

6+

Владимир Несяев

Благодарность зверя

Владимир Несяев
Благодарность зверя

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Несяев В. В.

Благодарность зверя / В. В. Несяев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В книге публикуются услышанные автором таежные байки и рассказы, а также некоторые реальные истории, непосредственным участником которых довелось быть самому автору.

Содержание

АМЕРИКА, НУ ТЫ ДАЕШЬ...	5
ЖАЖДА ЖИЗНИ	7
БЛАГОДАРНОСТЬ ЗВЕРЯ	9
МАРЬИНА ТЕРАПИЯ	11
НЕЖДАНКА	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

АМЕРИКА, НУ ТЫ ДАЕШЬ...

На заимку к Максиму Павловичу приезжали далеко не последние люди-охота с рыбалкой у него на любой вкус что зимой, что летом, опять же ягод и грибов в этой таежной глухомани прорва. Заранее звонили из города, сообщали, когда и сколько человек наведается, кто они и откуда, чего желают. Чтоб, стало быть, приготовился и принял, как полагается.

Прорву разных больших начальников и "крутых" ребят потаскал он по долинам и взгорьям, и еще никто не остался в обиде на крепкого духом и телом пенсионера, бывшего егеря, за напрасно потраченное время. К нему даже иностранцев привозили, и те воочию убеждались, каково промышлять дичь в первозданной дремучести сибирской тайги.

И на сей раз Палыч тоже встречал зарубежного гостя в сопровождении переводчика и нескольких приятелей, знакомых ему по прежним сафари. Причем, встречал не кого-нибудь, а самого настоящего американца.

Бывалого охотника сразу заинтересовал седой высокий мужик, отрекомендовавшийся через переводчика никем иным, как контр-адмиралом в отставке седьмого флота США. Заинтересовал даже не столько сам "правдашный" адмирал, сколько его оружие: винчестер восьмого калибра. Судя по всему, подарочный, эксклюзивный экземпляр.

– Этакой пушкой можно слона одним выстрелом завалить, – с некоторой профессиональной завистью усмехнулся Палыч, посмотрев на вооружение янки. Адмиралу перевели, и он самодовольно закивал в ответ, любовно похлопывая ладонью по прикладу:

– О, биг хантер, биг бир, тушут, окей.

– Он желает, – пояснил переводчик, – участвовать в большой охоте, чтобы подстрелить огромного медведя, за тем сюда и прибыл.

– С таким стволом добыть зверя без проблем, – согласился

Палыч, – косолапых нынче кругом полно, все отъевшиеся, от избыточного жира добродушные. Человека не пугаются, близко подпускают.

В тайгу выехали с утра и лишь к обеду по холмистому бездорожью добрались до заимки, представлявшей собой крохотную бревенчатую избенку с низкой дверцей и единственным крохотным оконцем. Внутренний интерьер составляли полати из соснового вершинника, да прогоревшая насквозь местами железная печурка.

Американец, едва вошел, деловито бросил на полати рюкзак, развязал его, достал патроны и принялся сноровисто заряжать свой винчестер.

"Опытный, видать, с ним хлопот не будет", – подумал Палыч, а вслух произнес:

– Переведите сэру, пускай малость в избушке посидит, передохнет с дороги, а я к лабазу схожу за топором и прочим инвентарем, тут недалеко.

Палыч двинул по едва заметной тропке, и как-то так вышло, что за ним, непринужденно болтая о том да о сем, потянулись остальные. Кроме адмирала, который, потрясая оружием, дал ясно понять: он остается, поскольку ему сам черт не брат.

Отошли от заимки на сотню-другую метров, как переводчик испуганно вскрикнул, показывая дрожащей рукой на ближний косогор. По травянистому гребню неторопливо шествовала крупная медведица с двумя детенышами, забавно семенящими по сторонам.

– Нынешний приплод, зимний. Мелкота, – бросив мимолетный взгляд на зверей, проговорил на ходу Палыч, – хотя конечно, самка с детьми, это опасно, если ружьишко дома забудешь.

– Посмотрите, куда они направляются! Точно к нашей заимке. А там адмирал, – всполошился было переводчик, но Палыч, снисходительно усмехнувшись, успокоил:

– Да не переживайте вы за своего сэра, ни хрена с ним

не делается. Он своей пушкой, случись чего, от танка отобьется.

И верно, едва повернули от лабаза обратно, как со стороны заимки гулко затрещали выстрелы. Один, другой, третий, четвертый, пятый...

– Живой наш американец, – заключил Палыч и прибавил шагу, – а возможно даже и с трофеем. Пошли быстрее, поглядим.

Минут через пять минут все осторожно приблизились к избушке, опасливо поглядывая по сторонам. О каком-либо присутствии косолапых ничего не свидетельствовало. Если не считать кучек свежего медвежьего помета, которого здесь прежде не наблюдалось.

– Гляди, как мишек-то напугал, – по примятостям на траве определил опытный Пылыч, – со страху, видно, обо...лись да в тайгу рванули что есть мочи. Интересно, где сам мореход?

Палыч приоткрыл было дверь, но тут же отпрянул назад, прошипев переводчику:

– Скажи своему придурку, чтобы убрал ружье, а то срельнет, не ровен час. Вдруг у него еще заряд остался?

Переводчик, впрочем, уже сообразил, что делать, и прокричал несколько слов по английски.

Когда все, толкая друг друга, ввалились вовнутрь, то увидели такую картину: адмирал, мелко трясясь всем телом, стоял на полатах, неуклюже уперевшись головой в потолок и, затравленно озираясь по сторонам, водил стволом винчестера вокруг себя.

– Бир, бир, – беспрестанно повторял он одно слово побелевшими губами. Мотня штанов у американца была мокрой, и с нее еще продолжало капать вниз. И все вдруг почувствовали терпкий тяжелый дух, наполнивший избушку.

– Господи, да ведь он того. Обклялся, сердешный, – первым догадался Палыч и зычно загоготал: – Во, дает америка. Много повидал, но чтобы такое...

– Вы бы лучше показали, где у вас тут вода, – неожиданно обиделся за адмирала переводчик, человеку помыться требуется, белье сменить.

– Может, мне самому его обиходить?, – вскинулся Палыч, – дипломатничаешь тут, а ты погляди, как он стены и крышу изрешетил! Видно, палил куда придется, как мишек в окошко узрел. А с печуркой что сотворил? Напрочь трубу срезал, охотничек хренов. Твой американец трусом и балбесом оказался.

– Ладно, чего там, – успокоившись, уже миролюбиво закончил

Палыч, – я на вашего флотоводца не в обиде, гость как-никак. Это ему не по своим национальным паркам шастать, где дорожки асфальтированы, на каждом шагу биосартиры, и зверье конфетками закормлено. Здесь, братцы мои, дичь настоящая, природная. А ручей, коли интересуетесь, позади избы течет, шагах в десяти...

Американец как-будто понял, о чем они говорят, вдруг замотал головой, еще крепче прижал винчестер к груди и торопливо залопотал по своему.

– Чего это он? – удивился Палыч.

– Бойтся выходить наружу, – стыдливо потупился переводчик, – воды просит сюда принести, а потом желает назад, в деревню ехать.

– Наохотился уже, значит, – разочарованно вздохнул Палыч, – вечная морока с этими иноср... то есть, я хотел сказать, иностранцами. Сидели бы себе в небоскребах, так нет, на экзотику тянет, словно мух на дерьмо. Передай своему американцу, пускай смело идет мыться, я его сам охранять буду. Со мной точно в штаны не накладет...

ЖАЖДА ЖИЗНИ

«Как пить дать, заколют, – смятенно похрюкивал Борька, норovia в свинарнике затесаться промеж соплеменников, – и не кого – нибудь, а именно меня».

Борька настороженно посматривал из – под белесых поросячьих бровей на грядущих душегубцев: своего хозяина – кормильца Василия и соседа дядю Павла. Нарочито не глядя в сторону свинарника, мужики вострили на завалинке ножи, источая вокруг себя ядреный свежак самогонного перегара. Переговариваясь вполголоса, они не раз упоминали Борькину кличку. Этого было достаточно, чтобы зашедшееся у боровка сердце дробно отдалось в копытца.

Борька и сам не помнил, с какого момента стал разбирать человеческую речь. А только однажды случайно подслушал, как Василий вразумлял дочку Риту:

– Хрюшек сытно кормить надо. Чтобы вес хорошо набирали, чтоб сальце толщиной мою ладонь было. Кто быстрее поправится, того и на переделку пустим. Главное, не тревожить свинок попусту, не гонять почем зря. У нас не Англия, мы к бекону непривычны.

– Пап, а что такое бекон?

– Так, ерунда. Не поймешь, то – ли сало с мясом, то – ли наоборот. Это когда свинья жилистая да худая, как собака бездомная.

И Борька смекнул: чтобы продлить свой короткий поросячий век, полнеть не следует ни под каким видом. Жадно сглатывая слюну, он при всяком удобном случае старался отворотить рыло от кормушки, носился по загону как угорелый и вообще вел себя неподобающим для хавроний образом. И, видимо, переборщил. Супруга Василия как – то обронила недовольно:

– Борьку – то чего зазря держать, смотри, какой тощий и психованный какой-то. Не болен ли чем? С него закол и начнем.

Это был смертный приговор, и сегодня его приведут в исполнение. Борька наблюдал, как Василий, взяв в одну руку нож, другой махнул Павлу: давай, мол, приступим, ты заходи оттуда, я отсюда, возьмем боровка в клещи, прижмем к стенке и...

Мужики молча протиснулись в распахнутую дверь сарая.

«Ну, уж, дудки, – мелькнуло в Борькиной щетинистой голове, – так я вам и дался за здорово живешь».

Боровок, пронзительно взвизгнув, сбил Павла с ног и выскочил на свежий воздух, принявшись бешено носиться вдоль изгороди.

– Вот где зараза верткая! – крикнул в сердцах Василий, – Паша, чего смотришь, давай загоняй его обратно!

С полчаса бегали за Борькой мужики, упрели, весь хмель выветрили. Поросенок, наконец, юркнул назад в темный проем. Дверь за ним тут же захлопнули, подперли колом и только тогда облегченно перевели дух.

– Теперь никуда не денется, – судорожно вымолвил Василий, – пускай остынет, успокоится, а мы пока перекурим.

– У тебя сзади под стайкой дыра, оттуда не выскочит? – усомнился Павел.

– Ты что, сквозь нее даже мой куцый кобель, погнавшийся как – то за крысой, протиснуться не смог, а тут боров.

Только он это сказал, как за сараем раздался визгливый, с утробным подхрюкиванием, рев, бревенчатое строение, качнувшись, дрогнуло и из – за угла появился... Борька.

Мужики изумленно раскрыли рты, а боров, зыркнув на них крохотными злобными глазками, вдруг присел, замер на мгновение и, словно разбегающийся олимпиец, рванул к забору. Перед высоким, метра в полтора, препятствием, подпрыгнул и... вмиг оказался наверху. Затем, тяжело перевалившись, плюхнулся с противоположной стороны, прямо в уличную пыль.

– За ним! – заорал Василий, и мужики кинулись к воротам.

Борька тем временем стремглав несся по дороге в направлении реки. Она в этих местах, надо заметить, была широкой, метров триста, с быстрым течением, и берег со стороны деревни крутой, обрывистый.

– Там и поймает, – хрипло дышал на бегу Василий, – никуда не денется, оглоед.

Но не тут – то было. Стоящий спиной к воде поросенок, едва завидев погоню, внезапно развернулся на месте, подпрыгнул и... бросился в пучину.

Подбежавшие мужики ошарашено смотрели, как Борька, сносимый потоком, торпедой стремился к другому берегу, все больше уменьшаясь в размерах. Вот уж еле видна его ушастая голова с поднятым над водой рылом, а вскоре и она исчезла.

– Утонул, наверное, – устало предположил Василий, – так ему, сволочи, и надо. Пошли домой...

– Погоди! – встрепенулся сосед, – глянь вон туда.

На противоположном, ложистом, усыпанном мелким галечником берегу, показался Борька. Вылез из воды, по – собачьи отряхнулся, постоял с минуту, будто переводя дыхание. Затем медленно затрусил к темнеющему вдали леску.

– Пропадет ведь почему зря, – рукавом вытер потное лицо Василий, – моргнуть не успеет, как зверье дикое слопают.

– Однако ж не мы, вот что главное, – многозначительно изрек напарник, – жажда жизни, сам понимаешь...

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗВЕРЯ

Бабушку Марьяну мучила бессонница. Кряхтливо сползла с кровати и, наскоро одевшись впотьмах, выбралась на крыльцо – подышать морозной свежестью, успокоить тревожно стукнувшее старческое сердце.

Было далеко за полночь, деревня давно погасила огни, но отчего – то не стихла.

«Собаки», – не сразу догадалась Марьяна.

И верно, псы в дальних и ближних дворах по неясной причине бесновались, завывая на разные голоса.

«Чего им надо, окаянным, луны вроде нет, еще с вечера затучило», – подумала старушка недовольно.

Своего тьявкающего сторожа бабушка не имела, хотя проживала у самой околицы возле леса – ее шепутной кобеляшка с полгода как виртуозно вывернулся из ошейника и утек следом за протрусившей мимо избушки сучкой. Марьяна не о потере жалела – о том, что не осталось рядом ни единого живого существа и оттого, наверное, беспокоится ночами ее усталая душа.

Внезапно в углу двора, возле поленницы, что – то завозилось и, как показалось Марьяне, завздыхало и заскулило.

– Ты что ль вернулся, Пилот? – крикнула она в темень, – нагулялся, шалапут.

Бабушка осторожно спустилась с крылечка и двинулась на звук.

– Поди -ка, милок, сюда, я тебе холочку потреплю...

Нагнувшись, ткнула наугад рукой в теплую шерсть и принялась ласково ощупывать мелко дрожащее тело.

– Нет, не Пилот. Этот гораздо крупнее, мосластей. Значит, случайно приблудился – в ограде дырок полно, вот и пролез. Ничего, касатик, если хозяйева твои не сыщутся, у меня жить станешь. Давай хомуток наденем и к цепочке будем привыкать.

Неизвестный пес, еле слышно урча, позволил Марьяне прицепить ошейник и затих у забора. Бабушка сходила в дом, наскоро собрала в чашку съестного, вынесла во двор. Собака жадно накинулась на пищу.

– Ишь, оголодал – то как. Ну да ладно, не скучай тут, я досыпать пошла...

Часов до десяти утра Марьяна во двор не выходила-смотрела, лентясь, телевизор. Отвлеклась лишь, когда кто – то забарабанил во входную дверь. Откинув крючок, увидела на пороге соседа Василия, промышлявшего охотой и тем кормившего семью.

– Ну, ты даешь, Филипповна, покрутил Вася пальцем у виска. Выдь, полюбуйся, кого ты на привязь усадила.

– Как это, кого? Собаку. Ночью забрела, понимаешь...

– Какую к лешему собаку, это же самый настоящий волк!

– Да что ты, господь с тобой! Ну – ка, пойдём, поглядим...

Зверь неподвижно лежал у забора, но как только увидел направлявшихся к нему людей, вскочил, вздыбил крутой загривок и злобно заворчал, уставившись желтыми глазами на Василия. Словно почувствовал в нем исконного заклятого врага.

– Сколько я их за свою жизнь перестрелял, – говорил меж тем Василий, – так что песью породу от волчьей как – нибудь отличу. А ночью, помнишь, собаки выли? И сейчас еще беспокоятся. Это все из – за него. Матерый самец, только уж сильно худющий. Может, больной, или подранок. Но все равно интересно, как это он тебе, Филипповна, в руки дался?

– Сама не ведаю, – пожалала плечами Марьяна, – и чего мне теперь с ним делать?

– Пристрелить, чего ж еще. Погоди, сейчас за ружьем сбегая, мужиков в помощь покличу...

Василий исчез за воротами, а Марьяна осталась стоять, глядя на волка. Сейчас он смотрел только на бабушку и, как ей показалось, смотрел так, будто знал, о чем они говорили с Василием, и какая участь его ожидает.

И Марьяна решила. Медленно приблизилась к зверю

и, опасливо потянув за ошейник, ласково прошептала:

– Сейчас я тебя освобожу, а ты быстренько к лесу беги, не ищай.

Волк покорно дал себя отвязать, зачем – то крутнулся на одном месте и... неожиданно лизнул Марьянину руку. Затем стремительно кинулся к тому месту в заборе, откуда, видимо, пришел. И был таков...

Прошла неделя, минула другая, Марьяна о своем ночном приключении с волком уже почти не вспоминала. Тем более, что деревенские, несколько дней обсуждавшие этот случай на все лады, тоже постепенно отсудачились и успокоились.

Но однажды поутру, едва открыв входную дверь, бабушка обнаружила на клыльце тушку зайца. Недоуменно подняла, осмотрела. Шкурка не простреляна, следов от капкана на лапках нет, только шею будто кто клыками прихватил.

Охотничьих презентов ждать Марьяне не от кого, откуда ж тогда косому взяться? Вдруг догадка мелькнула: да, неужели? Вспомнила, что минувшей ночью собаки опять заходились нервным лаем.

Дня через три история повторилась, но теперь у порога бездыханно лежала огненная лиса. А когда некоторое время спустя Марьяна увидела перед собой задранную дикую козу, сомнения исчезли: конечно, это мог быть только тот самый волк. Ее волк. По-своему, по-звериному благодаривший старушку за милосердие.

МАРЬИНА ТЕРАПИЯ

Дед Семен пропал внезапно. Еще вчера бродил, вечно хмельной, по деревне, в надежде стрельнуть взаимы у кого-нибудь из односельчан денежную мелочь. Или, на худой конец, стопку-другую самогона.

Народ к шепутному, порой надоедливому, но, в сущности, безобидному пенсионеру, честно заслужившему праздный досуг, относился снисходительно. Деньги давали редко, чаще всего не давали вовсе. При этом говорили: "у тебя, старый, пенсия выше, чем наши заработки, так что перетопчешься". А наливать, бывало, наливали.

Человеком дедок слыл веселым, мастаком пошутить-поприбаутить, а в деревне зимой такая скука, что даже куры с тоски нестись переставали. Семен, считай, каждый день этаким фертом колобродил, в одиночку или с собутыльниками. С утра до вечера, пока супружница его, бабка Марья, не отлавливала муженька в каком-нибудь дворе. И ну домой гнать. Ругалась так, что за околицей кони тревожно ушами пряли:

– Совсем совесть пропил на старости лет, черт плешивый! Дома поросята не кормлены, дверь у стайки на одной петле болтается и вообще хозяйство в разрухе. А у него, окаяннного, одна гульба на уме. И куды в тебя столько алкоголя влезает, будь он неладен? Уж всю пенсию до копейки отбираю, а ты все равно находишь, где и с кем причаститься...

Семен на женины причитания не реагировал-брел чуть спереди, блаженно улыбался и что-то мурлыкал в седенькую бороденку.

История эта повторялась чуть ли не ежедневно, и односельчане уже не обращали на парочку особенного внимания. Привыкли. Дескать, милые бранятся-только тешатся, даже если обоим за семьдесят.

И вдруг дед пропал. Не просто выпал из поля зрения деревенских, а исчез напрочь. Даже его пьяный треп во дворах слышать перестали. Бабушка Марья тоже попритихла как-то. Если и пройдет по улице, то смиренно и не шумно, не тревожась и не озираясь по сторонам. А напомним ей о Семене, отмахнется скороговоркой:

– Слава богу, уехал в райцентр. К родне погостить. Хоть отдохну малость, а то пьянками всю душу вымотал...

Неделя минула, другая, про деда ни слуху ни духу. Первыми обеспокоились его закадычные кореша-собутыльники, завсегдатаи здешних кустов и сараев. Незванно заявили к Марье и с места в карьер:

– Колись, бабка, куда мужика спроварила. Не способен он столь долго отсутствовать. Всю жисть из деревни ни ногой и на тебе-чемоданным настроением внезапно застрадал. Если б уехать куда надумал, нам бы непременно сказал, у его теплая вода в энном месте никогда не держалась.

– Да кто вы такие, чтоб вам обо всех наших семейных делах знать? – огрызнулась Марья. – Говорю же, уехал. Телеграмма пришла, что евоному троюродному братцу заплохело, вот и отбыл, наскоро собравшись.

– Покажь бумажку-то.

– С собой взял.

– На что она ему? Не на самолете ведь полетел и не на поезде поехал, до райцентра всего-то пять десятков верст. Ох, не ври, бабка, у Семена в округе не то что братовьев – седьмой воды на киселе отродясь не водилось. Когда хоть вернуться обещал?

– Да не ведомо мне. Не пишет и не звонит. Утек и как в воду канул.

"Как пить дать, темнит Мария", – ретировавшись восвояси несолоно хлебавши, чесали затылки мужики. На всякий случай заглянули в почтовое отделение, справились насчет теле-

граммы. Оказалось, что ни Семену, ни его благоверной месяца четыре, как не приходило ни единой весточки.

Шибко встревожило приятелей данное обстоятельство. Двое самых расторопных на старый жигуленок скакнули и в соседнее село, за участковым. Доставили его и опять всей гурьбой к Марье нагрянули.

Та, увидев милиционера, заметно стушевалась, глазами по сторонам застреляла.

– Давайте, гражданочка, рассказывайте по порядку, как и что, – расположился за обеденным столом дюжий лейтенант, – когда дед уехал, куда и зачем.

– Во всем признаюсь, как на духу, – заметалась по горнице Марья, – не чаяла ведь, что дело настолько далеко пойдет, что даже власти нашей коснется. По правде, никуда Семушка не уезжал, здесь он, в хате...

Марья быстро скатала половики, загремела засовом на люке подпола. Откинув ее, позвала:

– Семен, а Семен, давай вылезай, кончилась твоя терапия...

Снизу что-то завозилось, забренчало и спустя мгновение из проема вынырнула дедова голова.

– Ты, выходит, две недели Семку, словно крысу каку, в подполье держала? – догадливо изумились присутствующие.

– А чего делать-то прикажете, – вскинулась Марья, – если кажинный день до свинячьего состояния набирался? Уж по всякому с ним боролась, ничего не помогает. Бывало, в баньке запру, так он, варначина, стекло в оконце изнутри выставит, наружу ужом проскользнет и опять его ищи-свищи по деревне. Надоело мне это до жути, и однажды вечером сунула его, бесчувственного, в подпол, замок на люк повесила. Пару дней он там метался, лаял меня во все корки, страшал карами разными. После ничего, присмирел. Я ему пищу вниз опускала, ведро для нужды, бельишко сменное. А свет у нас туда давно проведен, так что не впотьмах пробавлялся. Пододвину этак диван к крышке и открываю помаленьку. Семен наружу выбраться норовит, а я его черенком от лопаты обратно спихиваю. Ден тринадцать таким манером просидел, кроме чая да рассола иной жидкости в рот не брал. Зато теперь посмотрите, как огурчик выглядит. Посвежел, помолодел, похорошел даже.

Семен, присев возле печи, внимательно слушал Марью.

А когда она умолкла, со значением произнес:

– Я вам так скажу, мужики: эта бабкина процедура будет почище любого "трезвяка" или там диспансера. Посидел в погребке чуток и сам себе удивляюсь – совершенно на выпивку не тянет, желание напрочь исчезло.

– И даже стопарика не хошь? – поразился кто-то из дружков.

– Какой, к лешему, стопарик, меня теперь от хмельного как от дерьма воротит. Марьюшка, золотко, сбегай к соседям за молочком парным, ужась как попить хочется. Может, и мы с тобой коровку заведем, как ты на это смотришь?

НЕЖДАНКА

На селе Иван слыл удачливым охотником. Летом подвизался в тамошнем сельхозкооперативе, где разноработничал вместе с женой Марьей: косили сено, чистили скотные дворы, а то и в пастухи нанимались. На огороде своем сообща волохали до седьмого пота – сынок единственный, почти взрослый уже, в райцентровском колледже учился, требовалось парня деньгами провизией на весь учебный год обеспечивать.

Зато осенью, едва по первоснежью ударял крепкий морозец, Иван с Марьей захлопывали ставни, запирали дом, грузили в сани продукты с разным необходимым имуществом и на лошади подавались в тайгу, на дальнюю заимку, охотничать.

Бывало, до самого тепла там пропадали. Пока Иван сутками бродил-лазил по чашобам, его неутомимая супружница дровишек наколет, водицы студеной из незамерзающего ключа натаскает, избенку жарко истопит, а если понадобится, то и баньку. Возвратится усталый Иван, а стол уж накрыт, стопочка самогонки дожидается, приемник транзисторный на полке мурлычет.

Но главным для Ивана другое было. Это Марьюшка его ненаглядная – дородная, сбитая, всегда румяная от мороза и пахнувшая свежей хвоей. Жену Иван страстно любил с юности, обожал до сих пор, и Марья неизменно отвечала ему крепкой взаимностью. На селе, глядя на немолодую уже, но до сей поры милующуюся парочку, нередко проходились на ее счет:

– Уж вам обоим лет под заднее место, а вы все, словно два голубка, целуетесь. Вон молодежь-то, гляди, как над вами зубоскалит.

– Глупы ишшо, потому и ржут, – отмахивалась Марья, – погодите, сами чувство познают, иначе запоют...

Так и зимовали они в тайге, каждую весну неизменно возвращаясь домой с полными санями богатых охотничьих трофеев. Шкурки соболя, белки, куницы с попутной оказией переправляли в город и там через верных знакомцев-приятелей сбывали не без выгоды. На то и жили.

А удачно промышлял Иван потому еще, что выпестовал себе отменного помощника – лохматого кобелька по кличке Резвый, неизвестной породы. Во все века, известно, суки всегда считались более горазды кобелей в охотничьем деле, но Иванов пес любой из них фору давал в сотню очков – не сыскать в округе более трудолюбивой и смышленной собаки.

На привязи Резвого сроду не держали, гулял он вольно, однако сторожем был отменным: пристроится, бывало, на крыльчке у дверей – попробуй, пройди мимо, если хозяйева дома отсутствуют. Порвет и спасибо не скажет – клыки белые, здоровые, острующие.

В ту зиму, когда Иван с Марьей по обыкновению на заимке обрелись, морозы стояли лютые и ежевечерне Резвый все норовил в тепло шастнуть, проскользнуть меж хозяйских ног в избушку. И неизменно получал от Марьи, не переносившей в помещении песьего духа, метлой по морде.

– Что ты, Марьюшка, все лютуешь, вишь, кака холодрыга на улице, пушай хуш ночью с нами обогреется, – пробовал заступиться за друга Иван.

– Ничего с ним не сдеется, вон шерстястый какой, чесать-не перечесать. Сколь носков да варежек из его загривка навязала, – стояла на своем Марья, – а ежели ночью вдруг скульнет или твякнет спросонья в самый интимный момент, да смутит меня, тогда что?

Иван дивился этой глупой бабьей блажи, но снисходил и особо не перечил. А Резвого тихо жалел и даже баловал на свой лад. По утрам, едва забрезжит мутным светом в оконце, осторожно, чтобы не разбудить Марью, поднимался с полатей и, прихватив с вечера приготовленный кусок сырого мяса, выходил на крыльцо.

Заиндеветший от мороза пес уже колотил о доски хвостом и сидел настороже. Как только хозяин приоткрывал дверь, он молнией бросался вперед, хватая угощение прямо из Ивановой руки.

– Притормози, шалый, – ворчал Иван, – не ровен час, пальцы откусишь...

И, бывало, отвернувшись в сторону, тут же, с крыльца, справлял малую нужду – до отстоящего в стороне туалета рысать в исподнем далековато да и шибко студено к тому же.

Но однажды то ли заспал Иван, то ли просто запямятовал, а только мяса с собою не прихватил. Выскочив за порожек, быстро сбросил портки и...

– А-а-а!, – огласил окрестности его истошный вопль.

Резвый, природно следуя раз и навсегда выработанному рефлексу, по привычке вцепился в то, что хозяин держал в своей руке...

Выбежавшая на этот дикий крик Марья увидела такую картину: ее ненаглядный Ваня, присев на корточки, зажал причинное место в ладонях, сквозь которые на крылечко обильно сочилась кровь. Верный же, отскочив в сторону, непонимающе глядел на хозяина и виновато помахивал хвостом.

– Что приключилось-то? – встревожено спросила жена.

– Ох, Марьюшка, нежданка-то кака, – простонал Иван, – чаю, энтот варнак клыкастый перепутал мясо с моим...

– С чем, Ваня?

– Чего девицу-то из себя строишь! Не понимаешь?

– Ах, ты, господи! – догадалась, наконец, Марья

и в ужасе округлила глаза, – как же теперь быть, дружок сердешный? Может, жгут приспособить?

– Какой жгут! На куда! Ты соображашь? – вновь заорал Иван, – давай живо конягу запрягай, в село надо ехать...

Как уж они в один день из тайги выбрались, одному богу известно.

А только Марья, изо всех сил понужая исходящего паром пожилого меринка, уже к вечеру возле амбулатории стояла. Залетела в приемный покой, заголосила истошно:

– Помогите, люди добрые! Там, на санях, мой Ванечка страдает!

– Зверь что-ли какой задрал? – деловито осведомился, поправив на лбу старые очки, единственный на всю таежную стокилометровую округу, многолетнее опытный и потому всеми уважаемый доктор и по совместительству пенсионер Петр Тихонович.

– Ну да, зверь... Я энтому зверю, если у Ванюши что серьезное, топором самолично оттяпаю...

– Что оттяпаешь, Марья Спиридоновна? – вмешалась молоденькая медсестра Леночка.

– Достоинство его кобелячье, вот что, – пояснила Марья.

– Это медведю-то? Или кто там еще на твоего Ивана напал?

– Да какому медведю! Псу нашему окаянному, Резвому. Чтоб ему пусто было. Куснул ведь Ванюшу в аккурат за здесь, – и Марья рукой показала, за что именно.

– Ай, ай, надо же, – зашлась от любопытства Леночка,

– жутко интересно. Расскажи, тетя Маш, как все произошло.

– Хватит языком-то чесать, – прикрикнул на медперсонал Петр Тихонович, – лучше помощи занести с улицы больного и готовь операционную...

О том, что приключилось с Иваном, наутро знало все село. Народ под разными предлогами норовил заглянуть в амбулаторию, справиться об успехе операции и дальнейшем самочувствии попавшего в такую невиданную доселе беду земляка.

– Тихоновичу-то нашему все удалось на место Ивану пришить? – интересовались посетители-мужики у дежурной санитарки, тети Фроси, – как ты думаешь, сможет он после с Марьей

того... ну, в общем, долг свой супружний сполнять? Нам бы самим с больным поговорить. Может, передачку каку принести?

– Кышь отсель, прилипалы! – гнала любопытствующих Фрося, – Петр Тихоныч, даром, что первый в его жизни такой клинический случай, все сделал, как надоть и в настоящий момент дома отдыхает. А что до остального, то вы на себя посмотрите. Тоже мне, гиганты сексуальные. Только трепаться и можете...

В отличии от гогочущей, то и дело отпускавшей сальные остроты мужской половины деревенские дамы вели себя более деликатно. Тихонько шептались о чем-то с Фросей и Леночкой, затем сочувственно качали головами. Все жалели Марью, которая ни на шаг не отходила от постели Ивана: что-то с ней, горемычной, теперь будет?

Ивана выписали недели через три, когда на селе уже попритихли пересуды о его необычном приключении.

И все же домой они с Марьей возвращались в глубоких сумерках, чтобы лишний раз не мозолить глаза односельчанам. Марьюшка загодя дом хорошо протопила, прибрала, обиходила. Ужин сытный спроворила, бутылочку припасла по такому случаю. Иван, выпив и разомлев в домашнем тепле, неожиданно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.